

МИФОТВОРЦЫ: Портал в Европу

Лорд Дансени
Как Нут практиковался
на Гнолах
Серия «Книга чудес», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160813

Оригинал: LordDunsany, "How Nuth Would Have Practiced His Art upon the Gnoles"

Перевод:

Александр Юрьевич Сорочан

Аннотация

Следуйте за мной, леди и джентльмены, измученные Лондоном, следуйте за мной и те, кто устал от всего, что есть в известном мире – ибо здесь вы обретете новые миры.

Лорд Дансени

Как Нут практиковался на Гнолах

Несмотря на рекламные объявления конкурирующих фирм, вероятно, каждый торговец знает, что никто в деловом мире в настоящее время не занимает положения, сопоставимого с положением м-ра Нута. За пределами магического круга бизнеса его имя едва известно; ему нет нужды в рекламе, он уже состоялся. Он побеждает даже при нынешней конкуренции, и, независимо от своего хвастовства, его конкуренты знают об этом. Его условия умеренны: сколько наличных денег при поставке товара, столько же и шантажа впоследствии. Он учитывает ваши удобства. Его навыки можно обозначить; я видел тени ветреной ночью, перемещавшиеся более шумно, чем Нут, ибо Нут – грабитель по договору. Люди, как известно, частенько оказывались в загородных домах и посылали потом за дилером, чтобы заключить договор насчет раритета, который они там увидели – о какой-нибудь мебели или о какой-нибудь картине. Это – дурной вкус: те, чья культура более высока, неизменно посылают за Нутом через ночь или две после визита. Он уходит с гобеленом; Вы едва заметите, что грани были обрезаны. И часто, когда я вижу чей-то огромный новый дом, полный

старой мебели и портретов разных эпох, я говорю сам себе: «Эти разлагающиеся кресла, эти портреты предков в полный рост и резное красное дерево добыты несравненным Нутом». Можно возразить против использования слова «несравненный», которое в делах воровства применяется к первейшему и единственному в своем роде Слиту, и об этом мне прекрасно известно. Но Слит – классик, он жил давно и ничего не знал о нынешнем духе конкуренции; кроме того, сама удивительная история его гибели, возможно, придала Слиту очарование, несколько преувеличивающее в наших глазах его бесспорные достоинства.

Не подумайте, что я друг Нута; напротив, мои убеждения находятся в полном согласии с теорией Собственности; и ему не нужны мои слова, поскольку его положение почти уникально в деле, которое остается среди тех немногих, что не требуют рекламы.

В то время, когда моя история начинается, Нут жил в просторном доме на Белгрейв-сквер: неким невообразимым способом он подружился с домохозяйкой. Место подходило Нуту, и, всякий раз, когда прибывал посетитель, чтобы осмотреть дом перед покупкой, хозяйка обыкновенно расхваливала здание теми самыми словами, которые предложил Нут. «Если бы не водостоки», говорила она, «это был бы самый прекрасный дом в Лондоне», и когда визитеры реагировали на это замечание и спрашивали о водостоках, она отвечала, что водостоки также были хороши, но не столь хороши,

как дом. Они не видели Нута, когда проходили по комнатам, но Нут был там.

Сюда однажды весенним утром в опрятном черном платье пришла старуха, шляпа которой была окаймлена красным, и спросила м-ра Нута; и с ней явился ее большой и неуклюжий сын. Госпожа Эггинс, домовладелица, оглядела улицу, а затем впустила их и оставила подождать в гостиной среди мебели, укрытой простынями. Они ждали довольно долго, и затем разнесся запах трубочного табака, и явился Нут, стоявший очень близко к ним.

«Боже», сказал старуха, шляпа которой была окаймлена красным, «Вы заставили меня...» А затем она увидела в его глазах, что не так следовало разговаривать с м-ром Нутом.

Наконец Нут заговорил, и очень нервно старуха объяснила, что ее сын был подающий надежды парень, и был уже в деле, но хотел бы усовершенствоваться, и она хочет, чтобы м-р Нут научил его искусству выживать.

Прежде всего Нут пожелал увидеть рекомендацию, и когда ему показали одну от ювелира, с которым Нут, случалось, бывал «в одной лодке», в результате он согласился взять юного Тонкера (это была фамилия подающего надежды парня) и сделать его своим учеником. И старуха, шляпа которой была окаймлена красным, вернулась в небольшой домик в деревне, и каждый вечер говорила своему старику, «Тонкер, мы должны закрыть ставни на ночь, ведь Томми теперь грабитель». Детали ученичества подающего надежды парня я не

собираюсь раскрывать; ведь те, которые уже в деле, прекрасно знают эти детали, а те, которые работают в другом бизнесе, интересуются только своими собственными тайнами, в то время как досужие люди, которые не ведут дел вообще, не в состоянии будут оценить те степени развития, которых Томми Тонкер достигал сначала, когда пересекал пустые коридоры с небольшими препятствиями в темноте, не издавая ни звука, а затем тихо двигался по скрипучей лестнице, открывал двери, и наконец взбирался на стены.

Давайте удовольствуемся тем, что дело процветало, пока яркие отчеты об успехах Томми Тонкера, написанные ученическим почерком Нута, отсылались время от времени старухе, шляпа которой была окаймлена красным. Нут оставил уроки письма очень рано, поскольку он, казалось, имел некоторое предубеждение против подделки документов, и поэтому рассматривал письменность как пустую трату времени. И затем совершилась сделка с лордом Кастрленорманом в его Суррейской резиденции. Нут выбрал субботнюю ночь, поскольку так случилось, что по субботам в семействе лорда Кастрленормана соблюдался Шаббат, и к одиннадцати часам весь дом затихал. За пять минут до полуночи Томми Тонкер, проинструктированный м-ром Нутом, который ждал снаружи, ушел с полным карманом колец и булавок для рубашки. Это был весьма легкий карман, но ювелиры в Париже не могли заполнить его, не посылая специально в Африку, так что лорд Кастрленорман вынужден был использовать для сво-

их рубашек костяные заколки.

Никто не произнес тогда имени Нута. Некоторые говорили, что он потом потерял голову, но остальным это кажется болезненным преувеличением, поскольку его партнеры считают, что его проницательность не менялась под давлением обстоятельств. Поэтому я скажу, что ему пришлось спланировать то, чего ни один грабитель не планировал прежде. Он пожелал никак не меньше, чем ограбить дом гнолов. И этот самый воздержанный человек обратился к Тонкеру за чашкой чая. Если бы Тонкер не был почти безумен от гордости после недавнего дела, и не был бы ослеплен почтением к Нуту, он бы... – но я плачу по пролитому молоку. Он убеждал босса с уважением: он говорил, что предпочел бы не ходить; он сказал, что это нечестно; он позволил себе поспорить; и в конце концов однажды ветренным октябрьским утром, когда предчувствие угрозы повисло в воздухе, мы видим его и Нута, приближающихся к ужасному лесу.

Нут, положив на чаши весов изумруды и куски обычной скалы, установил возможный вес тех украшений, которые гнолы, как считается, хранят в ровном высоком доме, в котором они обитают с давних пор. Они решили украсть два изумруда и унести их на плаще; но если камни окажутся слишком тяжелыми, то один придется бросить сразу. Нут предупредил юного Тонкера о последствиях жадности, и объяснил, что изумруды будут стоить меньше, чем сыр, пока они не окажутся в безопасности за пределами ужасного леса.

Все было спланировано, и они шли теперь в тишине.

Ни одна тропинка не вела под зловещую сень деревьев, ни тропа людей, ни тропа скота; даже браконьер не заманивал там эльфов в ловушку более сотни лет. Вы не нарушили бы границу дважды в лощинах гнолов. И кроме вещей, которые творились там, сами деревья были предупреждением: они не походили на те здоровые растения, которые мы прививаем.

Ближайшая деревня была в нескольких милях, и все дома в ней были обращены задней частью к лесу, и ни одно окно не выходило в сторону зловещего места. В деревне не говорили о лесе гнолов, и в других местах о нем ничего не было слышно.

В этот лес вступили Нут и Томми Тонкер. Они не взяли с собой огнестрельного оружия. Тонкер попросил пистолет, но Нут ответил, что звук выстрела «привлечет к нам всех», и больше не возвращался к этому.

Они шли по лесу весь день, уходя все глубже и глубже в чащу. Они увидели скелет какого-то древнего браконьера, прибитый к стволу дуба; пару раз они заметили, что фэйри удирали от них; однажды Тонкер наступил на твердую сухую палку, после чего оба лежали неподвижно в течение двадцати минут. И закат вспыхнул, полный знамений, за стволами деревьев, и ночь пришла, и они пошли вперед в слабом звездном свете, как Нут и предсказывал, к тому мрачному высокому дому, где гнолы жили так скрытно.

Все было так тихо возле этого бесценного дома, что ис-

чезнувшая храбрость Тонкера вернулась, но опытному Нуту тишина показалась чрезмерной; и все время в небе было нечто худшее, чем предреченная гибель, так что Нут, как часто случается, когда люди пребывают в сомнениях, имел возможность подумать о самом дурном. Однако он не отказался от дела и послал подающего надежды парня с инструментами его ремесла по лестнице к старой зеленой оконной створке. И в тот момент, когда Тонкер коснулся засохших петель, тишина, хоть и зловещая, но земная, стала неземной, как прикосновение вампира. И Тонкер слышал свое дыхание, нарушающее тишину, и его сердце стучало подобно безумным барабанам в ночной атаке, и застежка одной из его сандалий звякнула на лестнице, и листья леса были немые, и бриз ночи был тих. И Тонкер молился, чтобы мышь или моль произвели хоть какой-нибудь шум, но ни одно существо не вмешалось, даже Нут хранил молчание. И прямо там, пока его еще не разоблачили, подающий надежды парень пришел к мысли, до которой он должен был додуматься гораздо раньше – оставить эти колоссальные изумруды там, где они были, и не иметь ничего общего с простым высоким домом гнолов, оставить этот зловещий лес в самый последний момент, выйти из дела и купить домик в деревне. Тогда он осторожно спустился и позвал Нута. Но гнолы наблюдали за ним через хитроумные отверстия, которые они проделали в стволах деревьев, и неземная тишина предоставила полный простор, как будто с любезностью, для громких криков Тонкера, когда

они поднимали его вверх – криков, которые все усиливались, пока не утратили связности. И куда они забрали его, лучше не спрашивать, и что они с ним сделали, лучше не говорить.

Нут наблюдал некоторое время из-за угла дома с умеренным удивлением на лице, потирая подбородок: уловка с отверстиями в стволах деревьев была плохо знакома ему; затем он проворно направился прочь от ужасного леса.

«И они поймали Нута?» спросите меня Вы, благородный читатель.

«О, нет, дитя мое» (ибо это детский вопрос). «Никто никогда не ловит Нута».